

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Александр Бахрах

МОНПАРНАССКИЕ ВСТРЕЧИ

ЛАНСКОЙ

В своем парижском ателье, чуть ли не с кистью в руках, не так давно скончался талантливый русский художник Андрей Ланской, составивший себе во Франции завидное имя и — случай довольно редкий — оплаканный почти без исключения всеми видными французскими художественными критиками.

Уроженец Москвы, он был едва ли не одним из последних отпрысков родовитой русской семьи, немало представителей которой оставили заметные следы на страницах русской истории. В отрочестве Ланской был воспитанником привилегированного Пажеского корпуса и уже на школьной скамье увлекался изображением всевозможных человечков, за что, по его признанию, ему не раз попадало от корпусного начальства. Впрочем, трудно поручиться, что это действительно так было — уж очень такой рассказ в различных вариантах бытует в биографиях художников.

Но произошла революция... для Ланского все перевернулось, вместо того, чтобы стать кавалергардом, он негаданно очутился в Париже да притом едва ли не на мели. Бездомный беженец имел за душой только одну врожденную тягу к живописи, и Ланской чуть ли не с первого дня после своего приезда отдался своему призванию. Он начал работать под руководством Судейкина, одного из стан "мирискусников", писавшего тогда декорации для гастролировавшей по заграничам балневской "Летучей мыши". Но вско-

ре Ланской, увидав, что с Судейкиным он окажется в тупике, стал усиленно посещать "Гранд Шомьер", в буквальном переводе "Большую хижину", монпарнасскую художественную "академию" — питомник стольких начинающих художников, составивших затем гордость живописного искусства начала века.

Тогда же Ланской сошелся с целым рядом своих русских коллег и не гнушался посещать монпарнасские кафе, сперва "Ротонду", позднее "Дом", без которых образование любого парижского художника оставило бы заметные пробелы. Внутренне он, вероятно, уже тогда отталкивался от их богемности и их космополитизма, но он понимал, что в те дни художнику для его восхождения трудно было миновать монпарнасское "чистилище".

Ланскому повезло: его живопись была замечена известнейшим теоретиком современного искусства, Вильгельмом Удэ, пользовавшимся в те дни непрекращаемым авторитетом и чье мнение тогда, согласно французской поговорке — "делало дождь и хорошую погоду". Удэ особенно увлекался "наивным" искусством, выискивал "наследников" таможенника Руссо, а первые полотна Ланского были в какой-то мере стилизованы под лубок. Да ведь так называемая "наивная живопись" не обязательно выполняется людьми наивными, а у Ланского, естественно, сказывалось отдаленное влияние его первого парижского учителя Судейкина, хоть то, что он делал, и было лишено судейкинского гротеска.

Удэ посетил неказистое ателье Ланского и приобрел несколько его полотен. Это явилось своего рода сенсацией, особенно если принять во внимание, что даже похвальная строка Удэ для начинающего художника была своего рода капиталом.

Найдя в Париже подходящую для развития своего таланта почву, Ланской благодаря Удэ сумел заинтересовать ряд видных коллекционеров и владельцев картинных галерей. Ему удалось заключить с ними выгодные контракты и, главное, позволило работать по своей прихоти, без забот о завтрашнем дне. А работягой Ланской был беспримерным, никогда не знал отдыха. Уже в 1925-м году его холсты были приобретены музеями Антверпена, Мангейма, Филадельфии, еще и еще.

Тогда он увлекался Ван-Гогом (кто им не увлекался?), от которого, вероятно, исходила осязаемая в ранних холстах Ланского нервность и взвинченность. А затем в еще большей степени увлекся Матиссом, красочные поиски которого его пленили или, может быть, точнее — опьянили. Было бы, конечно, несправедливо утверждать, что он готов был, хотя бы по-своему, подражать Матиссу — нет, он только усвоил некоторые характерные для Матисса художественные принципы и по-своему переиначивал их, хотя Матисс был не только примером заразительным, но и достойным подражания.

С годами, однако, Ланской менял своих богов, и любовь к Матиссу сменилась у него увлечением Кандинским, Клее и, наконец, нашим соотечественником, несомненно наиболее талантливым и своеобразным в своей поэтичности из всех русских беспредметников, Николаем Сталем. Под этими влияни-

ми Ланской в какой-то мере "сжег то, чему поклонялся", отрекся от фигуративной тематики и одновременно стал более замкнутым и менее общительным. Будучи прекрасным колористом, он на своих полотнах пытался разрешать проблемы световых эффектов и ритмического столкновения плоскостей.

При этом, каждому из своих полотен, в которых обычно доминировали его излюбленные цвета — красный и желтый — он давал некое метафизическое или иногда чисто лирическое заглавие, которое едва ли передавало то, что могло представляться зрителю. Недаром Ланской не без известной заносчивости всегда утверждал, что мнение зрителя его не "волнует", а существует только то, о чем думал художник во время работы. "Тайна живописи сосредоточивается на кончике кисти", — говорил он. Чтобы не быть голословным, приведу несколько из тех названий, которыми он снабдил свои абстрактные картины: "Слушая Сократа", "Отсутствие жалости" или еще "Нежелательный вывод" или "Измены зеркала". За каждым из этих названий таилась некая программа, над ними можно было задуматься, их комментировать, но труднее всего было сопоставлять их с заключенным в раму холстом.

Можно, конечно, любить или отрицать абстрактное искусство, ценить или презирать его, но вспоминая ретроспективно все этапы творчества Ланского, нельзя не обнаружить его таланта во всех областях, к которым он прикасался. Нельзя не почувствовать его природную лиричность, которую он точно пытался завуалировать, очевидно считая, что она наносит ему вред,

как бы становится поперек его дороги.

С некоторых пор, наряду с живописью, Ланской увлекался и прикладным искусством, усиленно работая над эскизами или карандашными набросками для ковров, которые затем создавались всемирно известной, основанной еще в ХУП веке ковровой мануфактурой в Обюссоне.

Но и на этом поприще Ланской надолго не остановился. В самые последние годы своей жизни он заинтересовался мозаикой, неоднократно совершал паломничества в Равенну для изучения мозаичной техники на месте и почти целиком отдавался этому новому для него виду искусства, очевидно прельстившего еще большей возможностью проявлять его тягу к колоритности.

Таков вкратце путь этого художника, чьи работы украшают теперь не только несчетное число частных собраний, но и развешены по стенам многочислен-

ных музеев современного искусства, не только во Франции, но и в большинстве стран, в которых еще ценят и хранят искусство сегодняшнего или, вернее, уже вчерашнего дня.

Характерной чертой Ланского было то, что, прожив за границей столько долгих лет, он не только сохранял свою "русскость", но как-то ею гордился и почти демонстративно выпячивал ее. Может быть, это его свойство укреплялось его религиозностью, которая иногда проявлялась с оттенком фанатизма и не без доли нетерпимости. С преобразованием, едва узнаваемым лицом, без устали клался поклоню, он мог проставить самые длинные службы. А в последние годы перед смертью стал как бы "опекуном" небольшого — патриаршего — прихода в одном из предместий Парижа, к стати сказать, обосновавшегося в доме, который некогда был преподнесен в дар философу Бердяеву

его английскими поклонниками. Этот приход существовал буквально на средства Ланского. Больше того, он как бы "вербовал" в него прихожан, нанимая на свой счет такси для доставки их к храму и после службы угощая всевозможной снедью. Следует отметить, что хотя заработки его были весьма значительны, лично на себя он почти ничего не тратил.

Он любил и хорошо знал русскую литературу и свои редкие досуги уделял собиранию книг. Его "коньком" была "пушкиниана" и ему, действительно, удалось составить довольно ценное в условиях эмиграции собрание книг по пушкиноведению. Любопытно также, что в сравнительно недавние годы он увлекся иллюстрированием гоголевских "Записок сумасшедшего" и его гуаши, несмотря на их полуабстрактность, все же по какому-то отражали гоголевский текст и не без остро-

умия переключались с ним.

Я помню его еще молодым (он был старше меня), вспоминая его скуластое лицо, бритый или казавшийся бритым череп, черты лица не то татарские, не то цыганские. Словом, своим внешним видом он напоминал молодого запорожца из "Тараса Бульбы", если бы не европейский костюм, мог бы позировать Репину для его картины, изображающей запорожцев, пишущих письмо султану.

В довершение — в виде "постскриптума" — мне хотелось бы добавить, что четыре холста Ланского были у него приобретены ленинградскими музеями. Мне, однако, неизвестно — выставлены ли они или покоятся на каких-то полутайных музейных складах с сотнями других полотен — "изгнанников"...

Париж